

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Крестоносец
Конец ее крестового похода

Роберт Брукс

I

Двери трактира распахнулись от удара латных рукавиц. В зал ворвались вихри песка. Рейтер замер с метлой в руках и уставился на гостя — в густых сумерках он едва смог разглядеть силуэт.

Некоторое время тишину нарушал только заунывный вой песчаной бури.

Наконец незнакомец шагнул вперед. Зазвенел тяжелый доспех. На груди воина развевалась белая накидка с загадочным символом. Рейтер не мог отвести глаз от оружия — усеянного острыми шипами тяжелого металлического груза на рукояти с короткой черной цепью. В другой руке незнакомец держал огромный щит, за которым Рейтер мог спрятаться целиком, не пригибаясь. Деревянный пол сотрясался от тяжелых шагов. Незнакомец резко повернул голову в тяжелом шлеме и посмотрел на мальчика.

Рейтер застыл на месте от ужаса. Он вытаращился на воина и ждал, что произойдет. Пришелец поднял руку и снял шлем. Длинные темные волосы заструились по его... ее плечам. Рейтер разинул рот. *Женщина!* Никогда прежде он не видел столь сложных и устрашающих боевых доспехов, даже у лучших стражей караванов, что проходили через город, — а ведь стражу набирали из мужчин. По крайней мере, так считал Рейтер. На самом деле за свою жизнь он повидал не так уж много воинов. Женщина кашлянула, песок осыпался с ее брони. Выходит, она была в пустыне в разгар песчаной бури? Безумие. Гостья посмотрела на Рейтера и улыбнулась неожиданно нежно и тепло.

— Дай угадаю, — сказала она. — Ты — хозяйский сынишка?

Рейтер сглотнул слюну и кивнул.

— Отец! — позвал он, не отводя глаз от женщины.

— Что, закончил мести? — отозвался голос с третьего этажа.

— У нас постоялец.

— Какие постояльцы в эдакую-то погоду? — заворчал отец, спускаясь по лестнице.

— Что ты мне тут... Ой.

Его деревенский говор рассеялся как по мановению волшебной палочки, уступив место радушной манере говорить, как это обыкновенно случалось при гостях.

— Примите мои извинения, добрый господин... госпожа. Я не ожидал посетителей.

На улице, знаете, такое ненастье...

Благодушное выражение лица не могло скрыть беспокойства, с которым он поглядывал на доспехи гости.

— Добро пожаловать в трактир «Оазис». Вам приготовить комнату на двоих?

«Двоих»? Рейтер оглянулся. Его настолько потрясло появление женщины-воина, что он совсем не заметил рядом с ней девушку в неброской одежде. Она была явно моложе, скорее всего, ровесница Рейтера, и одета куда скромнее своей старшей спутницы. К тому же, песчаная буря потрепала ее, густо засыпав песком волосы, но мальчик великодушно решил не обращать на это внимания.

Женщина бережно опустила щит на пол.

— Я слышала, что вы цените литературу и разрешаете постояльцам читать книги из своей коллекции. Это правда?

«Книги»? Эти двое притащились сюда в разгар бури за *книгами*?

— Совершенная правда, госпожа, — ответил отец. — Говорят, у меня лучшая библиотека в Кеджистане. Если не считать калдейских, конечно.

Она улыбнулась.

— В таком случае, мы остановимся здесь. При одном условии: не называйте меня госпожой. Меня зовут Анаджин.

— Конечно, гос... Анаджин! Сегодня в «Оазисе» предостаточно свободных комнат, — отец Рейтера гостеприимно развел руками. — Немногим хватает смелости выйти на улицу в такую погоду, в отличие от вас.

Юная ученица рассмеялась.

— «Смелости». Да уж, сунулись в самое сердце песчаной бури. Представляю себе, какие стихи сложат о нашей отваге поэты.

Рейтер улыбнулся ей. Она заметила это и вежливо улыбнулась в ответ.

Женщина в доспехах усмехнулась.

— Мы не планировали путешествовать в такую погоду. Если бы кое-кто не задержал меня, мы, возможно, управились бы гораздо раньше.

— Возможно, только идея раскапывать каждую ямку в пустыне была не «кое-чья», — огрызнулась ее ученица.

— Возможно и это, — Анаджин сняла перчатку и перевернула ее. На пол пролился небольшой песчаный водопадик. Рейтер нахмурился: теперь еще и это выметать!

— Но зато мы не зря старались, — иронично заметила Анаджин.

Трактирщик заинтересованно наклонил голову, но объяснения так и не дождался.

— Что ж, полагаю, вам хочется пить, а у нас в «Оазисе» всегда припасено достаточно прохладной воды, — сказал отец Рейтера. — Рейтер, ты не мог бы принести нашим гостям две чашки воды?

Он замолк и посмотрел на мальчика.

— Рейтер! — отец звонко прищелкнул пальцами.

Рейтер аж подпрыгнул, еле оторвав взгляд от ученицы.

— Воды. Да, отец.

Он схватил две чашки и поспешил в погреб, чтобы зачерпнуть воды из бочонков.

Как хорошо было ненадолго спрятаться от лишних глаз! Ученица женщины-воина...

Рейтер попытался скрыть улыбку. У девочки были светлые волосы, длиннее, чем у ее наставницы, а глаза излучали сияние. О, этот изящный изгиб шеи... К тому же, красotka ему улыбнулась! Не слишком тепло, но все-таки!

«Я ей понравился!» — подумалось ему.

Рейтер протянул гостям две чашки. Обе осушили их одним глотком. Он наблюдал за молоденькой. Она вопросительно подняла бровь, и Рейтер отвел глаза.

— Идемте наверх, я покажу вам комнату, — предложил отец Рейтера.

— Мне хотелось бы сперва заглянуть в библиотеку, — ответила Анаджин. — У вас есть книги о городе Урех?

Женщина быстро сняла доспехи и отправилась вслед за трактирщиком в библиотеку, оставив ученицу в зале.

— У тебя не найдется тряпки и небольшой чашки с водой? Мне нужно кое-что отчистить, — попросила девочка.

— Конечно, — ответил Рейтер и быстро нашел все необходимое за стойкой.

Девочка окликнула его:

— Впрочем, тряпка не нужна. Я оторву кусок от своей рубашки.

— Да нет, у нас полно тряпок.

— Ты не сможешь... да и *не захочешь* забрать ее потом. Когда я закончу чистить доспехи, ее придется сжечь, — предупредила она.

— Ничего, — отмахнулся Рейтер.

Он протянул ей чашку и кусок ткани, постаравшись изобразить свою самую обаятельную улыбку, от которой у дочери соседа-лавочника начинали томно трепетать ресницы. Ее звали Беа... Но сейчас Рейтер выбросил соседку из головы.

— Я же говорю, тряпок у нас хватает.

— Спасибо.

У нее была странная манера чистить доспехи. Она обмакнула пальцы в чашку и смочила ткань всего парой капель воды, после чего начала протирать нагрудник — массивный кусок металла, украшенный затейливой резьбой и узорами. Рейтер присел рядом.

— Помочь?

— Нет, спасибо.

Парень кивнул и наклонился поближе.

— Что это за значки? Похоже на символы Закарума.

— Это они и есть.

Рейтер удивился.

— Правда? Твоя наставница — паладин? Через наш город проходит много паладинов. Но она красивее большинства из них... — и, чувствуя, что выбрал правильный момент, добавил: — И ты тоже.

Она снова одарила его холодной улыбкой.

— Анаджин не принадлежит к этому ордену.

Рейтер снова кивнул. Ему было все равно.

— Надолго к нам? — спросил он.

Ученица продолжала старательно протирать нагрудник резкими круговыми движениями.

— Наверное, нет. Как она скажет. На несколько дней, не больше.

Она нахмурилась, обнаружив засохшее пятнышко, и брызнула на тряпку еще немного воды. Осторожно приложила влажную ткань к доспеху, немного подождала и спокойно продолжила работу.

— Я слышал, она ищет Урех. Она охотница за сокровищами? У нас они часто останавливаются, — продолжал Рейтер.

Он осторожно откинулся на спинку стула, немного развалившись, чтобы выглядеть небрежным и расслабленным.

Она подняла на него взгляд.

— Охотница за сокровищами? Никогда не думала об этом, но ты почти угадал.

Последний раз взглянув на Рейтера и оценив его позу по достоинству, она вернулась к работе, покачивая головой.

— Меня зовут Рейтер. А тебя?

Она улыбнулась и промолчала. Он ждал. Молчание затянулось. *«Ну и ладно».*

Неважно, как ее зовут.

— Если она не паладин, то кто?

— Крестоносец, — последовал ответ.

— Ах, да. Крестоносец. Я так и знал, — небрежно бросил Рейтер.

Девчонка покосилась на него, и он почувствовал, как гаснет его улыбка. Кажется, она поняла, что он врет.

В комнате вновь воцарилось молчание. Рейтер заерзал.

Но ведь она с ним разговаривает. А это первый шаг, правильно?

Месяц назад какие-то стражи каравана провели в трактире несколько дней, накачиваясь самым дешевым пойлом. Рейтеру нравилось крутиться среди них. Один из стражей, одетый в неопрятную тунику, чернявый, лысеющий, потный и угреватый, взялся обучить Рейтера «законам жизни». В основном эта наука сводилась к тому, как обольщать «цыпочек».

— Заговори с ней, и она обратит на тебя внимание. Рассмеши ее, и ты на полпути к успеху, — вещал он громким пьяным шепотом. Рейтер, кажется, навсегда запомнил этот тяжелый запах изо рта. — Покажи ей, что у вас много общего, да не забывай смешить, и дело в шляпе. Если она нахмурилась, меняй тему. Да, и не забывай делать комплименты.

Простота стратегии поразила мальчика.

— Как тебя зовут? — снова спросил он. Ответа не последовало. — Тебе часто приходится делать грязную работу за наставницу? Отец постоянно заставляет меня убираться.

Никакой реакции. Рейтер не сдавался:

— Отец все время повторяет, что наш трактир должен быть самым чистым в Калдейском Приюте.

— Как интересно, — пробормотала она, ковыряя ногтем очередное засохшее пятнышко на доспехе.

Внезапно она отдернула руку, как будто обжегшись, буркнула что-то себе под нос и сильно прижала к пятнышку сухую ткань.

Рейтер не сводил с нее глаз. Она больше не улыбалась. Он решил сменить тему.

— Если вы долго были в пути, тебе наверняка не помешает горячая ванна. У нас много ванн, я могу нагреть воду, если хочешь.

— Может быть, позже, — ответила она.

— Мне не трудно, — заверил он и как бы между прочим добавил: — Я даже готов к тебе присоединиться.

Ученица уронила тряпку и возмущенно уставилась на Рейтера:

— Что ты сказал?

Рейтер почувствовал, как краска заливает его лицо. Он лихорадочно подыскивал слова.

— Ох, извини! Я ничего такого не хотел... У нас в пустыне это обычное дело. Мы помогаем друг другу отмыться, ну, где трудно достать...

Но он только сильнее запутался. Пауза невыносимо затянулась...

— Давай я лучше тебе помогу, — сказал он, схватил тряпку и обмакнул ее в воду, попутно коснувшись ладонью волос ученицы.

По его руке как будто пробежал разряд. Не медля, он провел мокрой тряпкой по доспеху. Девочка ахнула:

— Стой!..

Все произошло в одну секунду, едва мокрая ткань коснулась пятнышка на нагруднике. Девчонка вскрикнула. Чашка с водой опрокинулась. *Стол*, на котором она стояла, — тоже. Дым, едкий дым, воняющий серой и гнилой кровью, наполнил

комнату. Рейтер завопил и вскочил со стула. Ученица схватила нагрудник и одним махом вышвырнула его за дверь, где бушевала песчаная буря.

Уже падая, Рейтер заметил зеленое сияние, охватившее нагрудник, и вспышку, после которой сияние погасло. Потом он рухнул на пол, и сверху на него приземлился стол, пригвоздив мальчишку к месту.

Всхлипывая, Рейтер пытался спихнуть с себя тяжелую махину и глотнуть воздуха. На помощь пришла Анаджин — она с легкостью подняла стол, чтобы освободить мальчика, после чего встревоженно осмотрела его.

Отец Рейтера влетел в комнату и в ужасе вытаращил глаза:

— Что стряслось?

— Отличный вопрос, — ответила Анаджин.

Она покосилась на нагрудник, лежащий в песке, а затем — испытующе — на свою ученицу.

К всеобщему изумлению, девчонка расхохоталась. Взрывы смеха сотрясали ее тело, ей даже пришлось сесть на пол, чтобы не упасть. Отец Рейтера разозлился:

— Что, во имя Акарата, вы сделали с моим сыном?

Ученица утерла слезы и сказала то, чего Рейтер боялся больше всего:

— Он предложил мне принять ванну вместе с ним. А потом, чтобы загладить неловкость, решил помочь с чисткой доспехов... — она снова захихикала. — Прости, Анаджин. Я не ожидала, что он намочит тряпку, а на доспехе была засохшая кровь демона...

— Что предложил? — Отец переводил взгляд с сына на Анаджин. — Какая еще кровь?!

Анаджин продолжала смотреть на ученицу.

— Правда?

Та с трудом сдержала хихиканье и кивнула.

— Большое пятно?

Ученица жестом показала, что не больше крупной блохи.

— Хорошо, — Анаджин вздохнула с явным облегчением. — Вреда быть не должно.

Трактирщика переполняли гнев и тревога.

— Какого вреда? Что натворил мой сын?

— Ничего страшного, как оказалось. Вы ведь слышали о том, что караваны, идущие в Калдей, иногда исчезают в этих краях? Так вот, теперь дорога на несколько лет станет безопаснее. Как раз перед бурей мы нашли... гнездо. Эти твари особенно ненавидят воду. И ясно, почему. Пустыня для них — как дом родной, — нахмурившись, она подняла поножи и внимательно их осмотрела. — Я думала, что все опасные пятна мы вывели, но трудно как следует отчистить доспех, когда глаза все время засыпает песком.

Она поклонилась трактирщику:

— Я приношу свои глубочайшие извинения. Опасность была невелика, но мне стоило проявить большую осмотрительность.

Отец Рейтера бесшумно открывал и закрывал рот. Наконец он прочистил горло и ответил:

— По... понял. Вреда не было. Я тоже приношу извинения. За поведение сына.

И он бросил на Рейтера свирепый взгляд.

— Ах, не стоит беспокоиться, — немедленно отозвалась Анаджин. — Если моя ученица положила глаз на вашего сынишку, я не буду мешать их счастью.

Девочка вздохнула:

— Я не...

— Не нужно ничего объяснять, — широко улыбаясь, прервала ее наставница. —

Юная страсть, как же это прекрасно! Бутон, распустившийся по весне. Пустынная роза, ну и так далее. Ты ведь знаешь, клятва крестоносца не препятствует...

— Клятва не препятствует, — проворчала ее ученица. — А хороший вкус — еще как.

Громовые раскаты отцовского хохота неслись вслед Рейтеру, со всех ног припустившему в кладовую. На все следующие дни главной задачей мальчика стало избегать обеих женщин, пока они не уедут.

И это ему почти удалось. Но однажды ученица крестоносца сама нашла его и попыталась извиниться за свое замечание.

— Не могу спокойно терпеть шуточки Анаджин. Мы иногда... цапаемся между собой, но это не извиняет меня. Прости меня за грубость.

Рейтер что-то пробубнил и отмахнулся. Все равно у этих двоих явно не все дома.

«Кровь демона». Он покачал головой. Врет, наверное. Глупо верить всякой ерунде.

— Ох и странные у ней повадки, — сказал ему отец, когда гости уехали. — Хотя дамочка не из простых. Говорит, крестоносец... Интересные дела! Сама откуда-то с болот, а в нашу пустыню приехала искать какую-то религиозную штуковину. Надо было ее порасспросить, что ли. Шустрая штучка.

— Да уж, пожалуй, — глубокомысленно ответил Рейтер.

II

— Не забудь подмести, — слабым голосом сказал отец Рейтеру.

Приступ кашля сотряс его иссохшее тело. Старик прижал ладони ко рту, но мокрота просочилась сквозь пальцы.

— Самый чистый... трактир...

— Подмету, отец. Доешь суп.

— Не могу... невкусно...

— Беа сварила его утром специально для тебя, — Рейтер старался не показывать раздражение. — Тебе нужно подкрепить силы. Доешь все.

Он решительно прикрыл за собой дверь и отправился в общий зал. Обед закончился несколько часов назад, у столиков остались только трое посетителей: два усталых купца, толковавших о ценах на вестмаршское вино, и парень явно из религиозных, тихонько листавший толстую книжку. Рейтер прошел за стойку, где жена точила кухонный нож.

— Отнеси отцу чаю, — попросил Рейтер. — Ему совсем худо.

— Добавить немного меду? — спросила Беа, глядя на него с сочувствием.

Рейтер вздохнул. За последние месяцы мед подскочил в цене — тристрамский купец задерживался. Рейтер надеялся, что к концу следующей недели тот все же объявится, иначе в трактире закончатся запасы.

— Нет, не надо, — жена посмотрела на него с неодобрением, и он быстро добавил: — Если у нас не будет меда, посетители будут недовольны, и это повлияет на нашу репутацию. Отец этого не одобрит.

Беа нахмурилась еще сильнее.

— Он и сам посоветовал бы экономить мед, если бы знал. Трактир — это вся его жизнь. Его наследие... — Рейтер помедлил, затем поднял руки, сдаваясь. — Ладно!

Добавь меду. Только капельку.

Бросая на него уничижительные взгляды, она приготовила чай, от души сдобрив его медом, и скрылась на лестнице.

Рейтер снова вздохнул. Сейчас он сдался, но позже все равно поговорит с ней. В последнее время жена с завидным постоянством мотает ему нервы.

Дверь распахнулась, в главном зале раздались шаги. Все еще глядя на лестницу,

Рейтер начал приветственную речь:

— Добро пожаловать в трактир «Оазис», добрый господин. Чем могу служить?

— «Добрый господин»? Что ж, все лучше, чем «госпожа», — ответил ему веселый женский голос.

Рейтер обернулся. На гостье были тяжелые доспехи, те самые, которые он впервые увидел восемь или девять лет назад. Шлем, нагрудник, щит, кистень, белая накидка с вышитым символом Закарума — это была она. Он даже рот раскрыл от изумления.

Крестоносец?

— Я... прошу прощения, госпожа, — ответил он машинально.

Она легко рассмеялась.

— Никаких «госпожей». Меня зовут Анаджин.

— Прошу прощения... Анаджин, — повторил Рейтер.

То же самое имя? Она выглядела иначе, чем он запомнил. Ее волосы были длиннее и тоньше, изящно очерченный овал лица, не такой крупный нос... К тому же, она казалась моложе.

Он почувствовал, что за беседой следят все, кто был в зале, и это придало ему уверенности. Все же не он один испугался ее появления.

— Вам нужна комната? Ваша ученица с вами?

Ученица. Воспоминание о неподъемном столе и проклятом пятнышке на доспехе всплыло в его памяти и заставило желудок болезненно сжаться. Неловкость нарастала, и он тщетно старался отмахнуться от призраков прошлого.

— Приготовь комнату для одного. Я еще не нашла ученицу, — ответила женщина-крестоносец. — Кроме того, я хотела бы еще раз заглянуть в твою библиотеку.

Рейтер вместе с ней вышел из зала и направился к библиотеке.

— Конечно. У нас лучшая библиотека в... — он замолчал и нахмурился.

«Еще не нашла ученицу»? У Анаджин была ученица. Но, может быть, его просто подводит память? Он прогнал непрошеную мысль.

— Лучшая библиотека в Кеджистане. За пределами Калдея, разумеется.

Анаджин не отставала от него, ее доспехи тяжело бряцали при каждом шаге.

— Я побывала на тридцати заставах в этой пустыне, не менее. И думаю, что ты и твой отец правы, — ответила она. — У вас и правда самая крупная библиотека за пределами больших городов. По правде сказать, я никогда не видела подобного собрания в обычных поселениях.

— Это отец придумал, — сказал Рейтер. — Калдейский Приют — небольшой городок, но все, кто едет в Калдей или обратно по южной дороге, останавливаются здесь. «Оазис», понимаете? Последняя возможность хлебнуть прохладной воды перед переходом через сложный участок пустыни. Отец заметил, что многие преподаватели из академии, ученики и религиозные паломники не слишком жалуют

таверну, которая стоит дальше на этой дороге, и построил трактир, который лучше подходил бы под их вкусы.

«Зря потратив кучу времени и сил», — прибавил он про себя. Можно было бы заработать куда больше, продавая выпивку, чем сдавая комнаты неимущим студентам.

— Он скупал книги у проезжих купцов.

— Кстати, как поживает твой отец?

— Он умирает.

Анаджин участливо склонила голову.

— Я могу помочь? Можно его повидать?

— Он не в себе последнее время. Не хочется тревожить его воспоминаниями о прошлом.

Анаджин быстро взглянула на него.

— Как скажешь.

Они подошли к двери библиотеки.

— С тех пор, как я была здесь последний раз, у вас появились новые книги?

— Думаю, да, — ответил Рейтер. Он не прочел ни одной из них. — Вот мы и пришли.

Он придержал дверь.

— Спасибо, — сказала она.

Она сделала шаг в сторону, и прядь ее волос коснулась руки Рейтера. *Светлых волос.*

В один миг он вспомнил все: наставницу, темные волосы, имя.

— Вы... ты не Анаджин. Ты ее ученица!

Она насмешливо улыбнулась:

— Уже нет.

— Но доспехи... Ты же сказала, что тебя зовут Анаджин!

— Меня так и зовут, — подтвердила она.

Смущение переросло в гнев. Рейтер почувствовал, что она опять делает из него посмешище.

— Так звали твою наставницу!

— А теперь — меня, — она все еще улыбалась. — Тебе и правда это кажется странным?

— Ты! — Рейтер понизил голос. — Ты даже разговариваешь, *как она!*

Его голос сорвался на шипение.

— Хотела меня надуть? Мало я опозорился в тот раз?

— Я не хотела тебя оскорбить. Я — крестоносец. И зовут меня Анаджин, — сказала она. — Так же, как звали мою наставницу. И ее наставницу тоже.

— Вас *всех* зовут Анаджин?

— Вместе со щитом наставницы я унаследовала ее миссию и ее имя.

— Унаследовала? Как? Что случилось? Твоя наставница... *погибла?*

Внезапно Рейтер почувствовал, что не хочет слышать ответ. Он быстро сменил тему.

— Ты тоже ищешь книги про Урех?

— Нет. Мне нужны сведения об утерянных записях Тал Раши.

— По... нятно.

Рейтер ничего не понял.

— Тогда не буду тебе мешать.

Он поспешно вернулся в общий зал. Беа уже ждала его.

— Новые постояльцы?

Рейтер неохотно кивнул.

— Кто она?

— Она уже была здесь несколько лет назад. Мне кажется, у нее не все дома, — шепнул он.

Беа недоверчиво покосилась на мужа.

Рейтер убрал посуду за купцами и поставил кувшин воды перед одиноким посетителем, который сидел за отдельным столом. «Сумасшедшая, — думал Рейтер, наливая гостю полный стакан. — Никто в здравом уме не присваивает себе чужое имя и не пытается жить чужой жизнью. Это глупость какая-то». Он хладнокровно прикинул, сколько времени отнимет продажа книг, когда отец умрет. Будет лучше, если у крестоносцев пропадет охота возвращаться сюда.

Суровый голос прервал его мысли:

— Трактирщик!

Это был посетитель, кому он только что подал воды. Из религиозных.

— Кто эта женщина в доспехах?

— Если честно, не знаю, — Рейтер говорил чистую правду. — Она со странностями.

Мужчина захлопнул книгу. На обложке был начертан один из известных символов Закарумской веры. Он был очень похож на тот, что украшал накидку крестоносца.

Кроме того, посетитель и сам был одет в доспехи, очень похожие на броню Анаджин.

— Она раньше бывала здесь? — продолжал он допрос.

Рейтеру не понравились стальные нотки в его голосе.

— Однажды. Много лет назад. Я был еще совсем мальчишкой, — ответил он, стараясь, чтобы голос его звучал пренебрежительно. — Тогда она показалась мне странной, без царя в голове. Но не опасной.

Он спохватился, что неверно понял намерения собеседника.

— Она... ваш друг?

— Нет.

По сравнению с голосом гостя даже лед показался бы горячим.

— Значит, без царя в голове? Любопытно. А что ты скажешь о себе, трактирщик? Ты считаешь себя разумным человеком?

— Вполне, да, — ответил Рейтер.

— Неужели? И зачем же разумному человеку укрывать у себя еретичку?

Рейтер отпрянул:

— Что?!

— Я видел символы на ее доспехах и накидке. Это не просто украшения, — мужчина поднялся, и Рейтер впервые заметил, что тот физически очень силен. — Я — паладин Закарумской Длани. Я истребляю скверну и ересь, где бы ни встретил их. Он ткнул перстом в грудь Рейтера, отчего тот чуть не упал.

— Я не чувствую в ней присутствия Света. Ею движет что-то иное. Если ты служишь вере, то не должен был пускать эту женщину под свою крышу. Или ты думаешь иначе, а, трактирщик?

— Нет, конечно, нет, — пискнул Рейтер.

— Почему ты впустил ее? — спросил паладин.

Рейтер дрожал под взглядом нависшего над ним здоровяка. Он еще никогда не видел настолько злого паладина.

— Я принимаю у себя всех, кто славит Свет. Откуда мне было знать, кто она на самом деле?

Тут ему в голову пришла дельная мысль.

— Она назвалась крестоносцем. Я думал, что она служит вашему ордену. Простите меня...

Рейтер пал ниц.

— Я вижу, что мое невежество привело к смертному греху. Могу ли я замолить его, добрый господин? — и задержал дыхание в ожидании ответа.

Воцарилась томительная тишина.

— Крестоносец? — Рейтер осмелился быстро взглянуть в лицо гостя. Паладин даже не смотрел в его сторону. — Что-то это мне...

— Достаточно одного вашего слова, и я немедля прогоню ее, добрый господин, — горячо зашептал Рейтер.

Паладин, казалось, не слышал его, погруженный в собственные мысли. Наконец он сказал:

— Да. Скажи, чтобы она встретилась со мной у входа. Я хочу узнать, каковы ее намерения. Если возникнет необходимость, я расправлюсь с ней, — и он поднялся наверх, прихватив книгу с собой.

Рейтер с трудом поднялся на ноги, утирая пот со лба. «Вот и славно», — сказал он себе. Пусть Анаджин сама разбирается с паладином. На улице. По возможности, на

значительном расстоянии от трактира. Он слышал топот паладина наверху.

Звяканье указывало на то, что тот облачался в доспехи. Рейтер поежился.

Однако он не хотел, чтобы Анаджин заметила его страх. Она уже однажды стала свидетельницей его позора, а ведь тогда все началось с пятнышка крови и чашки воды. Нет, это не должно повториться. Он просто велит ей убраться отсюда.

Остальное не имеет значения. В конце концов, Рейтер — хозяин этого места. По крайней мере, станет им после смерти отца... И он не хочет, чтобы она здесь оставалась. Разумно, нет?

Когда он вошел в библиотеку, Анаджин читала увесистый фолиант.

— Анаджин, или как там тебя, ты должна покинуть мой трактир.

Она мельком глянула на него и перевернула страницу, водя по строкам пальцем, закованным в броню.

— Я слышала, там кто-то горячился в зале, — заметила она.

— Там один человек... паладин. Он говорит, что ты еретичка.

Она рассмеялась:

— Ну да, конечно!

Она по-прежнему не поднимала глаз от книги. Рейтер колебался, не зная, что сказать.

— Он грозился меня убить? — спросила она.

— Ну, не то, чтобы... Да. — Рейтер постарался придать голосу твердости. — Думаю, он хочет тебя убить. Он ждет на улице.

— Как мило с его стороны послать тебя с предупреждением.

Она продолжила читать. Рейтер мялся в нерешительности.

— Ты собираешься... выйти к нему?

— Может быть. Если он до тех пор не передумает, — ответила она. — Ждать ему придется долго, мне еще читать и читать. Может быть, он пока найдет какое-нибудь полезное занятие.

Рейтер ощутил себя совсем беспомощным. Вытащить ее силком — неудачная затея.

Но он все же решил попробовать еще раз.

— Анаджин, я хочу, чтобы ты ушла из моего трактира. Сейчас же.

Она медлила с ответом, и Рейтер взорвался.

— Да что с тобой такое? Неужели книга тебе важнее, чем жизнь? За каким бесом ты вообще сюда явилась?

Анаджин вздохнула, отложила книгу и выпрямилась. Ее доспех приглушенно лязгнул.

— Твой отец просил мою наставницу...

— Настоящую Анаджин? Первую? — перебил Рейтер, не подумав.

Но ее это не задело.

— Да, ее. Но она не первая. Анаджин начала свой крестовый поход около двухсот лет назад.

Рейтер только моргнул, а она продолжала:

— Твой отец выпросил у нее все о крестовом походе. Разве он тебе не рассказывал?

— Рейтер покачал головой, крепко сжав губы. — Тогда я объясню, только короче. Я пытаюсь спасти свою веру.

— От чего?

Анаджин грустно улыбнулась.

— От разложения. От скверны.

— Почему тогда этот паладин так тебя ненавидит?

— А ты бы обрадовался, если бы тебе сказали, что твоя вера насквозь прогнила? Что она проклята до самых корней и приносит лишь несказанное страдание и боль?

Она вздохнула.

— Не думаю, что этот воин занимает высокое положение. Сведения о крестовом походе скрываются ото всех, кроме верхушки их ордена. Если бы он был одним из иерархов, то не стал бы ждать.

— А что он может сделать?

— Чтобы убить меня, он готов сравнять твой трактир с землей, — Анаджин посуровела. — Не знаю, смогу ли я вразумить его. Если нет, придется, наверное, покинуть город. Поэтому я хочу закончить чтение до того, как выйду на бой.

— Но он и меня обещал убить! — наконец-то вырвались нужные слова.

Молчание.

— Правда?

— Ну, он не сказал это прямо...

Анаджин перебила его:

— Но ты чувствуешь себя в опасности.

Это было скорее утверждение, чем вопрос. Анаджин закрыла книгу.

— Тогда придется уходить прямо сейчас. Не хочу, чтобы ты рисковал из-за меня. А книга... — Она взяла фолиант в руки. — Ты не хочешь ее продать? Я тебе хорошо заплачу.

Рейтер молча уставился на нее.

Амфи чувствовал, как с каждым ударом сердца иссякает его терпение, словно это был песок, стекающий вниз из верхнего сосуда песочных часов. Ветер подметал дорогу перед трактиром, швыряя горсти песка в броню паладина.

— Крестоносец, — пробормотал он.

Где же он встречал это название? Может быть, в книгах? Может, во время обучения в Курасте? Нет, точно не там. Почему же его так взволновало это слово? Крестоносцы не сотрудничали с орденом Амфи. Это все, что ему было известно, но этого знания явно не хватало. Символы на ее доспехах были выписаны с почтением и тщанием. Никакого явного указания на святотатство. Она не была не из тех шутов и лицедеев, что разрисовывают тела священными символами и устраивают пляски в грязных тавернах.

Сеннис. Это имя Амфи не вспоминал уже много лет. Этот мальчик, один из его лучших друзей в пору травинкальского ученичества, неудержимо тянулся к знаниям. Может быть, причина в нем. Однажды ночью Сеннис пробрался в кабинет одного из старших священников ордена Закарумской Длани и стащил оттуда книгу. Он восторженно рассказывал Амфи обо всем, что вычитал — такие вещи ученикам никогда не преподавали. Мальчик даже немного испугался этого тайного знания, свидетельства о сокрытых преступлениях. Расколе веры. Вскоре после того происшествия Сеннис исчез, а Амфи...

Что случилось с Сеннисом? Амфи охватило раздражение. Знакомое чувство. Каждый раз, вспоминая о детстве, он ощущал прилив гнева и ненависти. Как будто

воспоминания хранились на дне ядовитой сточной ямы, отравленной злобой.

Беспокойство за судьбу друга накрыло его волной ослепительной ярости, и...

...Крестоносец. Амфи чувствовал, как с каждым ударом сердца иссякает его терпение, словно это был песок, стекающий вниз из верхнего сосуда песочных часов. Заморгав, он начал массировать виски. О чем он только что думал? О каком-то друге детства? Да, точно. Он отмахнулся от этой мысли. Сейчас важно было сосредоточиться на другом.

— Ты хотел поговорить? — голос выхватил Амфи из забытья.

Вот и она.

Амфи заметил, что люди поспешили укрыться кто куда. И местные жители, и путешественники старались как можно скорее убраться с улицы. «Правильное решение», — подумалось ему. Тут он заметил, что женщина пристально разглядывает его, склонив голову набок.

— Ты здоров, паладин? — спросила она.

— Назови свое имя, — резко ответил он. — Скажи мне, кто ты, если зло, ведущее тебя...

— Меня зовут Анаджин. Я крестоносец, — она многозначительно подняла бровь. — И я надеюсь, что мы сможем спокойно объясниться.

— Я не разговариваю с созданиями тьмы. Я сокрушаю их, где бы ни встретил, — оборвал ее Амфи.

— Прекрасно, — жизнерадостно ответила Анаджин. — Значит, у нас есть много общего. Только мне кажется, что сегодня нам не придется никого сокрушать. Что тебя беспокоит?

Амфи молниеносно выхватил меч, но она даже не обратила на это внимания, что еще сильнее разозлило его.

— Ты еретичка или нет?

— Нет.

— Ты хочешь сказать, что мы с тобой одной веры? — взревел он. — Ты смеешь утверждать, что следуешь путем Закарума?!

— Не в том смысле, к которому ты привык, — парировала Анаджин.

Она замолчала и посмотрела на него с сочувствием.

— У нас действительно много общего, паладин. *Очень много.* Мы стремимся к одной цели.

Амфи сплюнул. Почему слова этой женщины переворачивали все внутри него? Он еле сдерживался, чтобы не броситься в бой. Жажда убийства возрастала с каждым словом, сдавливая горло, но он заставлял себя говорить:

— Символы на твоих доспехах. Они священны. Ты не имеешь права носить их.

Женщина-крестоносец покачала головой.

— Не это волнует тебя, правда? Расскажи, что ты знаешь обо мне.

— Ты оскверняешь мою веру.

— Как?

— *Я... не... знаю!* — взревел он.

— А я знаю вот что, — сказала Анаджин. — Я знаю, что зло пускает ростки везде.

Везде и в каждом. Даже в душах тех, кто объявляет себя праведниками и поборниками справедливости, если они потеряют бдительность.

— Замолчи, — прошептал Амфи.

От этих слов его гнев начал утихать.

— Я знаю, что на своем пути ты не раз испытывал раскаяние, — продолжала она. —

Я знаю, что ты борешься за добродетель, но смутно подозреваешь, что некая сила подтачивает веру изнутри. Я знаю, что ты пытался разобраться в этом, и самое главное — я знаю, что ты силен, потому что до сих пор не поддался злу.

— Прошу, перестань, — взмолился Амфи.

Это была правда. Каждое ее слово. Ему изводили бесчисленные сомнения в правоте ордена. Мысли его смешались.

— Я знаю, что тебе знакомо сияние Света, иначе ты отрекся бы от своих клятв. И я знаю, что ты чувствовал его присутствие в полях, в миру, среди людей... но не в Травинкале. Ни в одном из храмов твоего ордена. И я знаю, что тебе ведома причина. Глубоко внутри ты знаешь правду. Даже если ответы скрыты от тебя.

Боль резанула по глазам. Он молча опустил голову. В его душе поднялась буря. Он погрузился в самое сердце урагана и обратил взор к правде.

И он увидел камень, окутанный тьмой.

В один миг смятение рассеялось. Ненависть. Ненависть заполнила все. Чистая, ослепительная ненависть.

Амфи указал острием меча на крестоносца. Впервые с момента встречи с ней он чувствовал ясную цель. Он поднял руку над головой и воззвал к мощи Света.

— С меня хватит разговоров, еретичка. Умри! — проревел он.

Анаджин коротко кивнула:

— Так тому и быть.

Она печально улыбнулась, и в тот же миг паладин обрушил на нее свой первый удар.

Рейтер не слышал разговор, но он ясно видел, как уродливая гримаса исказила лицо паладина. Сын трактирщика наблюдал за происходящим из окна. К нему подошла Беа.

— Отойди, — прошипел он. — Это опасно.

— Сначала ты отойди, — ответила она. Рейтер раздраженно обернулся к ней, но яркий свет с улицы привлек его внимание.

Беа ахнула. Рейтер вздрогнул. Паладин призвал... нечто... сияющее, как полуденное солнце. Он задержал сгусток сияния над головой, крикнул что-то Анаджин и обрушил свет на нее.

Перед тем как произошел удар, Рейтер увидел улыбку на ее лице.

Раздался оглушительный грохот, и гигантские языки пламени взвились на том месте, где стояла воительница. Самой ее не было видно.

Но миг спустя...

Молния ударила с небес, ослепительный разряд чистой мощи. Вместе с ним на землю обрушилась Анаджин. Паладин даже не видел ее. А через мгновение мрак навсегда застлал его взор.

Рейтер закричал и попятился, закрывая глаза от слепящего света. Но когда он опустил руки, перед глазами все еще плясали лиловые силуэты молнии. Яростно моргая, он осторожно выглянул из окна. Анаджин стояла на улице одна, невозмутимо покачивая кистенем.

Впрочем, были и следы присутствия паладина. Они усеяли всю улицу перед трактиром. Песок вокруг Анаджин был влажный.

Рейтера начала колотить дрожь. Беа в ужасе зажала рот ладонями. Оглушенный, Рейтер наблюдал, как Анаджин аккуратно продела рукоять кистеня в кольцо на доспехе и, бросив прощальный взгляд в сторону трактира, отправилась на запад, к заходящему солнцу, прочь из Калдейского Приюта.

Город провожал ее в абсолютной тишине, затаив дыхание.

Сверху раздался шум. Рейтер взлетел по лестнице и открыл дверь в комнату отца.

— Отец, тебе плохо?

Уже несколько месяцев отец не выглядел так бодро. Он во все глаза смотрел в окно, на уходящую в пустыню Анаджин.

— Это ж она! Ну, приезжала-то несколько лет назад! А я говорил, что дамочка непростая! Как она разделалась с ублюдком, а?!

— Да уж, — глубокомысленно ответил Рейтер.

III

— Я не еретик. Я всю жизнь следовал путем Света, — Рейтер пытался говорить спокойно. Три пары бесстрастных глаз взирали на него. Он не знал, верят ли ему. — Я всего лишь скромный слуга и надеюсь, что следую слову мудрого пророка Акарата в своих деяниях. Наверное, я иногда оступаюсь, но я...

Тут его прервал тощий лысеющий паладин-коротышка:

— Именно это нас и волнует. Ты оступился, — он толкнул трактирщика. — Ты по своей воле дал пристанище врагу нашей веры, и праведный воин погиб, пытаюсь предотвратить последствия этой ошибки. Один из наших братьев.

— Нет, нет! — Рейтер охнул, отброшенный к стене. Деревянные доски скрипнули от удара. — Когда ваш брат попросил моей помощи, я сделал все, что он просил. Сразу же!

— Амфи мертв и не может опровергнуть твои слова, — сказал второй паладин. — Но нам известно, что из всех трактиров в этом захолустье, да проклянет его Акарат, еретичка выбрала именно твой.

— Я же не знаю, что у человека на уме, когда он заходит в трактир, — взмолился Рейтер.

Первый паладин сжал его плечо. Сильно. Рейтер вскрикнул от боли.

— Я ничего не скрываю! Я рассказал вам все, что знаю, я не видел ее много лет!

Третий паладин нарушил тишину:

— Он сообщил нам ее имя. Анаджин. Это новые сведения.

Первый паладин покачал головой.

— Думаю, он что-то скрывает, — он продолжал прижимать Рейтера к стене одной рукой, а вторую сжал в кулак и поднес к самому носу трактирщика. Пальцы его озарились мерцающим светом. — Я хочу показать ему, что мы не намерены шутить.

Рейтер безуспешно пытался освободиться от его хватки. С кулака паладина сорвалось несколько искр. Одна из них врезалась в переносицу Рейтера, и он закричал от боли, пронзившей его голову.

— Довольно, Сеннис, — сказал третий паладин. — Если донесения верны и крестоносец находится поблизости, мы найдем ее. Она не выдержит долго в пустыне, и ей придется вернуться в оазис. Не стоит мучить беднягу.

— *Не смей* обсуждать мои действия. Пока что я здесь главный, — кулак первого паладина снова приблизился к лицу Рейтера.

Второй паладин крепко схватил первого за руку:

— Хватит.

Они смерили друг друга взглядом. Сморгивая слезы, Рейтер гадал, подерутся или нет. Хотя страшнее будет, если они оба примутся за него.

— Ладно, — наконец произнес первый паладин, отпуская Рейтера.

Трактирщик упал на колени, хватая ртом воздух и держась за левое плечо. Сопли текли у него из носа прямо на пол.

— Возможно, ты прав. Все эти новости из Травинкаля, из храмов... Я, наверное, погорячился. Но извиняться не намерен.

— И не нужно, — согласился второй, — Он все же *дал ей кров*, хоть и по незнанию.

Полагаю, он не повторит этой ошибки.

Рейтер яростно замотал головой.

— Нет, ни за что!

— Хорошо, — сказал первый. — А если ты еще раз увидишь это порождение тьмы, доложишь нам о ее местонахождении немедленно.

Он наклонился, оказавшись лицом к лицу с трактирщиком:

— Все понятно?

— Да. Да!

Трое развернулись и покинули трактир. В общем зале было пусто. Рейтер остался плакать в одиночестве.

Вдруг в тишине раздался робкий голос:

— Папа, тебе плохо?

Рейтер последний раз шмыгнул носом и утер слезы. У него за спиной стояла дочь Лильса.

— Нет, что ты. Я в порядке. Песок набился в глаза. Я от этого хожу потом дурак дураком, весь в слезах.

Он поднялся с пола и заставил себя улыбнуться. Девочке еще не исполнилось и четырех, но иногда она соображала не хуже восьмилетки.

— Эти добрые люди решили переночевать в другом трактире, — объяснил он.

Она немного погрызла ноготь, потом заметила:

— Они не очень добрые.

Рейтер с усилием рассмеялся:

— Мне тоже показалось, что не очень, — он снова вытер глаза. — Где мама?

— На заднем дворе, там пришли добрые тетеньки в блестящих железках, — ответила Лильса.

От этих слов, произнесенных с самым невинным выражением, Рейтер застыл, как вкопанный. Он почувствовал, как кровь отливает от лица.

Не может быть. Этого просто не может быть.

Он быстро опустился на колени, заглядывая в лицо дочери. Она отпрянула, и он снова попробовал улыбнуться.

— Что за добрые тетеньки, доча?

Она попятилась. Видимо, улыбка получилась не очень убедительной.

— Какие тети, Лильса? Мне очень нужно знать, — повторил он.

Глаза девочки расширились от страха.

— Две тети. Одна, кажется, поранилась, — наконец выдавила она.

Рейтер нежно поднял Лильсу на руки и вышел через кладовую на задний двор.

Безжалостное сияние пустынного солнца резануло по глазам, но ошибки быть не могло. На скамье у задней стены трактира сидели три женщины — с одной стороны Беа с какой-то мокрой тряпкой в руках, с другой — незнакомая девочка-подросток, а между ними...

...она.

— Ты что здесь делаешь? — в панике прошипел Рейтер, опуская дочь на землю.

— Она ранена, Рейтер, — сурово отозвалась Беа. — Не шуми.

— Какая разница! Из-за нее вламываются сюда всякие нежелательные типы...

Рейтер повернулся к Анаджин. Она опустила голову на грудь и медленно, тяжело дышала.

— Ты привела ко мне своих врагов, крестоносец, и...

Рейтер осекся и нахмурился. Земля под скамьей была мокрой. Из-под доспехов Анаджин струйкой бежала кровь.

— Что с тобой?

За нее ответила девочка. Она была ровесницей Анаджин — той Анаджин, которую Рейтер впервые встретил много лет назад.

— Вчера в пустыне мы нарвались на неприятности, и Анаджин забыла уклониться, — она осторожно сняла с наставницы нагрудник.

Рейтер ахнул. Живот Анаджин от края до края пересекала глубокая рваная рана.

— Раны от демонических клинков плохо заживают.

Рейтер почувствовал, что дочь вцепилась в его ногу.

— Демонических?

— Не волнуйся. Мы о них позаботились, — невнятно пробормотала Анаджин.

Девочка фыркнула.

— Это о тебе чуть не позаботились. Давай попробую еще раз.

Она опустилась на колени перед Анаджин, открыла увесистую книгу с надписями на древнем языке и указала пальцем на строчку:

— Здесь начинать?

— Да. Соберись. Сосредоточься. Пусть вера направляет тебя.

Рейтер растерянно переводил взгляд с одной на другую.

— Не понял, что тут... — Беа замахала на него рукой, и он умолк.

Воительница не отвечала. Ее ученица начала читать вслух, повторяя один из старых заветов Закарумской веры. Рейтер поморщился. К чему тут проповеди? Хотя, надо признать, слова надежды сейчас не были лишними. Внезапно ему показалось, что

день стал немного ярче и теплее. Приветливее. Рейтер удивленно поднял глаза к небу. Ему показалось, что всех собравшихся на заднем дворе озарил Свет.

Ученица закончила чтение и закрыла книгу:

— Все, — сказала она.

Анаджин подняла голову и встала на ноги. Она пошатнулась, но не стала опираться на протянутую руку девочки. Размяла плечи, потянулась... на рубахе, красной от крови, свежих пятен не появилось.

— Молодчина, — похвалила ученицу Анаджин.

Та широко улыбнулась.

Рейтер растерянно заморгал: раны больше не было, не осталось даже шрама.

— Что... вы... — промямлил он, но потом собрался с мыслями:

— Ладно, какая разница. Уходите прямо сейчас.

— Рейтер... — начала Беа, но он лишь встряхнул головой и продолжил.

— У меня на руках дочь, беременная жена и хозяйство. В городе трое паладинов — надеюсь, не больше! — и они знают, что ты где-то рядом. Уходи по-хорошему. Прошу тебя.

Он ожидал, что Анаджин будет возражать, но она просто кивнула и медленно начала пристегивать на место доспехи.

— Мне очень жаль, что они побеспокоили тебя. У большинства из них мудрое сердце, но последние несколько недель они окончательно сбились с верного пути.

Ученица подала ей меч в ножнах и кистень. Привычным движением Анаджин опоясалась оружием и, наконец, подняла с земли щит.

— Берегитесь всех, кто приходит из Травинкаля. Там случилось что-то серьезное. Они могут быть не в себе.

— Я в курсе, крестоносец, — резко ответил Рейтер. — Один из них чуть не свернул мне шею. Они обвиняют меня в том, что *ты* натворила! Хотели судить меня за смерть того паладина.

Анаджин остановилась.

— Неужели?

— Да! — Рейтер подался вперед, его лицо залила краска стыда и гнева. — Ты приехала в мой трактир. Не чей-нибудь, мой! Из-за этого они считают, что я виноват. Говорят, что не верят мне, что я от них что-то скрываю!

— Где они сейчас? — тихо спросила Анаджин.

— Небось, вытряхивают душу из кого-нибудь еще. Кажется, они решили обыскать весь Калдейский Приют, — Рейтер отступил, наслаждаясь выражением ее лица. —

Так что вот. С меня хватит неприятностей. Я хочу, чтобы ты уехала. Прямо сейчас.

Анаджин обменялась с ученицей таинственным взглядом и опустила щит на песок.

Она покачала головой:

— Мы не можем уехать.

— Отлично! — воскликнула Беа. — Перед дорогой вам необходимо отдохнуть.

Рейтер разинул рот:

— Беа!

Она с вызовом посмотрела на него.

— У нас достаточно комнат и ни одного гостя. Уж пару ночей они смогут спокойно переночевать.

— А как же паладины?

— А что паладины? Они ушли, — уперлась Беа. — Эти двое пришли с юга, прямо из пустыни, не по дороге. Никто их не видел. Перетащим койки в кладовую, а перед дверью поставим коробки с репой и вяленным мясом. Если паладины вернуться, они даже не догадаются, что там есть комната. Можешь пригласить их обыскать трактир. Когда в прошлом году сюда нагрянули бандиты, это показалось тебе блестящей идеей.

— Беда не в этом, — сказала Анаджин. Беа и Рейтер оба обернулись к ней. — Паладины вернуться в любом случае, неважно, видели они нас или нет.

— Как? Почему? — всполошился Рейтер.

— Они уже считают тебя виноватым, — в голосе Анаджин был лед. — И они не в своем уме. Вполне возможно, что если их поиски в городе ни к чему не приведут, они решат выместить злобу на тебе. Или других. Ими движет ненависть, а не принципы Света. Твоя семья в опасности, трактирщик.

— И все из-за тебя!

— Да, — согласилась она. — И я не оставлю тебя и этот город им на поругание. Если ты не хочешь, чтобы я защищала трактир, мы с ученицей удалимся в пески, с глаз долой. Если же мы услышим или почувствуем...

— Не говорите ерунды. Устроим вас в кладовой, — сказала Беа и одним взглядом заставила Рейтера проглотить гневную отповедь. — Вы нас не стесните. Дайте мне поговорить с мужем с глазу на глаз.

Рейтер прошел вслед за женой и Лильсой в трактир и убедился, что Анаджин не слышит их, после чего взволнованно зашептал:

— Беа, ты совсем рехнулась? Эти паладины сотрут нас в порошок!

Беа подождала, пока он выскажется, затем попросила:

— Лильса, детка, ступай на минутку в свою комнату.

Дочь поднялась по лестнице, а Беа презрительно набросилась на мужа:

— Вот какой пример ты подаешь дочери? Отсылаешь двух женщин — одна из которых ранена! — в пустыню, чтобы какие-то трое проходимцев не подумали дурного?

— Ты не права, — защищался Рейтер. — Анаджин привела смерть в этот дом, и неважно, насколько сильно ненавидят ее эти трое, но они не станут убивать нас, только из-за того что она останавливалась здесь несколько лет назад. А что они сделают, если найдут ее здесь *сейчас*? Подумай о Лильсе. Подумай о ребенке, которого носишь под сердцем...

Он нежно погладил ее округлившийся живот.

— Ради наших детей Анаджин должна уйти. Сейчас. Так будет разумно.

Беа посмотрела на его руку, а потом — прямо в глаза мужа.

— То есть ты веришь этим паладинам больше, чем Анаджин?

— Я же сказал, мне кажется, она преувеличивает их опасность.

Она убрала его руку со своего живота.

— Они угрожали убить тебя. А от нее я не видела ничего, кроме доброты и честности, — она прищурилась. — Не знаю, с чего ты ее так невзлюбил, но я ей верю.

Если паладины собираются напасть на нас, лучше, чтобы она была рядом. И защищала наших детей. Как по-твоему, *это* разумно?

Она отвернулась и уже через плечо бросила последний камень:

— За твоим отцом водились грешки, но он никогда не был трусом. Ему было бы стыдно за тебя сейчас.

И она вышла, чтобы переговорить с наставницей и ученицей.

Рейтеру стало дурно. *«Как она не понимает? Нас же всех убьют»*. Он услышал бряцанье доспехов: Анаджин шла к двери. Трактирщик бросился в общий зал. Он не хотел ее видеть. Ему нужно было подумать.

«Отцу было бы стыдно за меня?» — Рейтер нахмурился. Отцу и правда была свойственна склонность к благотворительности, которую Рейтер не разделял, но прежде всего тот был практичен. И разумен.

Впрочем, Беа была кое в чем права: паладины могли вернуться. Он вздрогнул.

Возможно, но только «возможно», Анаджин и ее ученица смогут выстоять против них. Он же видел, как она расправилась с тем, другим, несколько лет назад. Рейтер не знал, как ей это удалось, но результат запомнился надолго.

Правда, он тут же напомнил себе, что в тот день она не была ранена. Тогда она хорошо отдохнула, была уверена в своих силах. А сегодня другое дело. Еще несколько минут назад она стояла на пороге смерти. Неважно, сколько сил у ее ученицы и как хорошо они сражаются вместе...

«Она их не победит», — решил Рейтер. Достаточно, чтобы выжил хоть один паладин, и вся семья окажется под ударом.

«Доложишь нам о ее местонахождении немедленно», — сказал ему Сеннис.

Рейтер поднялся на ноги. С внезапной надеждой он понял, что это выход. Паладины будут в бешенстве, пока не найдут Анаджин, но когда найдут, наверняка успокоятся.

А если Рейтер сам приведет их к ней, то они поймут, что он не врал насчет отказа содействовать ей. Может быть, даже похвалят за рвение.

Вот только Анаджин... ее и ученицу точно убьют. *«Лучше уж их, чем мою семью»*, — твердо сказал он себе и тихо выскользнул из трактира.

Калдейский Приют невелик. Рейтер не сомневался, что найдет их. Он отправился на запад. *«Доложишь нам о ее местонахождении немедленно»*. Его шаги ускорились. Потом он побежал трусцой.

Потом рванул со всех ног.

Кузнец продолжал бить по наковальне, не сбавляя темп.

— Я все понял, добрый господин, — искры вылетали из-под молота с каждым ударом. — Если сюда зайдет женщина в необычных доспехах...

— *Любая* женщина, — рявкнул Сеннис. — Еретичка может прикинуться кем угодно.

Она обманет тебя и введет во грех.

— Да, добрый господин, — кивнул кузнец. — Если сюда придет *любая* женщина, я найду вас или одного из ваших братьев.

Он подхватил щипцами тонкий брусок докрасна раскаленного металла и внимательно осмотрел его, затем, ворча, бросил обратно на наковальню и продолжил обрабатывать края.

— Вам угодно еще что-нибудь, добрый господин?

Пальцы Сенниса дернулись.

— Смотри мне в глаза, когда я говорю с тобой, кузнец, — мягко сказал он.

— Конечно, — ответил тот, быстро взглянул на паладина и вернулся к работе. — Как скажете, добрый господин.

В его голосе не было и намека на насмешку, но Сеннис почувствовал, как внутри у него вскипает гнев. Он подошел ближе.

— Я отвлекаю тебя? Прерываю твою важную работу?

— Нет, добрый господин, я вас слушаю, — ответил тот.

Он снова взглянул Сеннису в глаза и моргнул, впервые почуяв опасность. С тяжелым вздохом он подхватил брусок и небрежно сунул его в закалочный бочонок. Металл раздраженно зашипел, из бочонка поднялось облако пара.

— Простите. Вы хотели узнать что-то еще, добрый господин?

— Что это ты куешь? — поинтересовался паладин.

— Скребок для бочки, — последовал ответ. — Хозяин трактира заказал.

— Трактира «Оазис»?

— Ну да.

Сеннис спокойно кивнул:

— Понятно.

Понятней некуда. Он понял гораздо больше, чем этот идиот мог себе представить.

«Они все тут повязаны. Живут в одном грехе». И заслуживают одной кары.

Ему в голову пришла дельная мысль. Он оглянулся — его соратники все еще допрашивали других жителей. Отлично.

— А если бы ты уже видел еретичку, то уже сказал бы мне, так ведь?

— Разумеется, добрый господин, — ответил кузнец.

— Я тебе не верю.

Кузнец нахмурился. Сеннис небрежным жестом поднял правую руку, как будто разглядывая свою перчатку, и оперся на наковальню, барабаня по ней пальцами.

Кузнец инстинктивно отшатнулся. *«Боишься служителя веры? О чем же ты умолчал?»*

— Я хочу, чтобы ты знал: мне не до шуток, — произнес Сеннис.

Он сжал кулак, и Свет наполнил его. В воздухе между мужчинами появился сияющие очертания оружия.

— Я уверен, что ты делаешь отличные скребки для бочек. А как обстоят дела с молотами?

Кузнец попятился. Даже его затуманенный грехом разум не мог не узнать парящий в воздухе молот, сотканный из чистого Света. Мужчина нервно озирался по сторонам.

Сеннис проследил за его взглядом и не увидел ничего интересного. Может быть, тени как-то странно зашевелились? Выросли, стали глубже? Сеннис вспомнил время, когда благословенный молот Света мог изгнать любую тень. Как же давно это было.

Целую вечность назад. Он был тогда совсем юн.

Сеннис приложил ладонь ко лбу и нахмурился. У него разболелась голова. Молот колыхнулся и растаял. Мысли о детстве вызывали головную боль и рассеивали внимание. Он поморщился и заставил себя отвлечься от этой мысли. Прошла целая вечность. Это больше не имеет значения. Молот снова парил в воздухе.

— Добрый господин... — голос кузнеца дрожал. — Я...

Сеннис легко взмахнул молотом. Наковальня разлетелась вдребезги. Кузнец схватился за живот и, крича, осел на пол. Кусок металла засел в его внутренностях.

— Прошу прощения, *добрый господин*, — с издевкой сказал Сеннис. — Что вы сказали?

Выражение лица раненого доставляло ему искреннее удовольствие. Абсолютная беспомощность. Абсолютный ужас. Сеннис держал сияющий молот у самого лица жертвы.

— Почему бы тебе не сказать честно, что ты знаешь про еретичку?

Кузнец умолял, рыдал и клялся, что ничего не знает. Он взывал к милости Акарата.

«*Поздновато спохватился*». Сколько же в нем греха, что он продолжает бесстыдно лгать? Что видели его глаза, о чем он отказывается вспомнить? Сеннис задумался.

Может быть, нужны более строгие меры? Он подался вперед, совсем немного, ближе к лицу жертвы, и...

Крики затихли. Широко открытые глаза кузнеца теперь весьма забавно отражали свет молота. Отражение не было искажено ни радужной оболочкой, ни зрачком.

А затем по безупречно белым яблокам поползли две красные волны, достигли век...

Сеннис замороженно наблюдал. Двойной неожиданно громкий хлопок, ручейки алой и белесой жидкости на щеках... но жертва не издала ни звука. Ее горло парализовало от ужаса.

Внезапно Сеннис понял, что натворил. Теперь грешник не сможет покаяться еще несколько часов, а то и дней. «*Потратил время зря*», — распекал он себя.

Недовольно качая головой, паладин выпустил из пальцев луч Света и одним движением вырвал язык жертвы. Ему не пришлось даже пачкать руки. Розовый кусок плоти шлепнулся на песчаный пол, и кузнец наконец-то закричал в

бессловесной муке. На этом Сеннис оставил свою забаву. Ему пришла в голову другая

мысль. И так, еретичка бродит по городу. Но как она найдет убежище, если в городе будут только немые слепцы? Они уже заслужили такой расплаты за то, что приютили ее несколько лет назад. Да, решено: он обойдет весь город...

— Акарат, помилуй... — раздался сдавленный голос в дверях.

Сеннис невозмутимо обернулся. Это был трактирщик. *Тот самый* трактирщик. Он во все глаза уставился на кузнеца, который продолжал выть.

— Акарат тебя не помилует, — сказал Сеннис. — Никто тебя не помилует.

— Я... — трактирщик смотрел то на Сенниса, то на изуродованного кузнеца. — Я пришел доложить... как приказывали... немедленно...

— Ох, что-то не верится, — печально ответил Сеннис.

Он согнул палец, и мерцающее кольцо Света охватило горло трактирщика. Паладин сжал его сильно, очень сильно. Трактирщик начал задыхаться.

— Она вернулась, я угадал? И ты не доложил мне сразу же. Знаю я вашего брата. Ты медлил, выжидал.

Он согнул палец еще и еще раз, кольца Света крепко сковали вместе запястья и локти преступника. Его всхлипы сменились приглушенными криками.

Сеннис вышел на улицу, таща за собой трактирщика.

— Братья! — крикнул он. — Братья, здесь свершился грех!

Немного подумав, он взметнул руки и обрушил дождь искр на крышу кузницы. Она немедленно занялась, язычки пламени вскоре слились в волны. Он довольно кивнул.

Товарищей порой шокировали его... решительные... методы допроса. Им ни к чему знать о случившемся. Огонь надежно скроет все улики.

Трактирщик с трудом выдавливал слова из пережатого горла:

— Семья... помилуйте...

— Молчать, — оборвал его Сеннис.

— Малышка, не трогай тетин щит, — нежно сказала Беа, поднимая Лильсу на руки.

Поглаживая дочку по спине, Беа посмотрела на Анаджин и нахмурилась.

— Вы ведь не собираетесь спать в доспехах?

Крестоносец подняла голову с подушки и улыбнулась:

— Глупо выглядит, да? — и с глубоким вздохом откинулась обратно.

Ее ученица сидела на стуле у изножья кровати и разливала чай по трем чашкам.

Анаджин пошевелилась, и доспехи негромко звякнули.

И правда, глупо. Беа спрятала улыбку.

— Думаю, что вы гораздо лучше выспитесь, если снимете их. — Лильса хихикнула над ее ухом. — Слышите? Дочка согласна.

— Наверное, она права, — сказала Анаджин.

Ее улыбка была искренней, но глаза полны усталости. Беа показалось, что последние дни эта женщина не раз стояла на пороге смерти. — Но если эти господа вернуться, мне придется действовать быстро.

Беа не нашлась, что ответить. Лильса зачарованно наблюдала за игрой света от лампы на доспехе.

— Не могу поверить, что они хотят нам навредить. Seriously навредить.

Но сквозь стену она слышала разговор паладина с Рейтером. Слышала злость в голосе чужака. Откуда ей знать, на что они способны?

— Я выросла здесь. В нашем городке кто только не бывал, и паладины нередко заходили. Сколько себя помню, они были ко всем очень добры. Но последние годы с ними что-то... — она пыталась подобрать слова. — Вы знаете, что случилось?

Почему они так взбешены?

Ученица испытующе глянула на Анаджин. Та не отвечала.

— Тьма в их душах проявила себя. Эта тьма — и есть главная причина моего крестового похода, — наконец сказала она.

— Вы ненавидите паладинов? — удивилась Беа.

— Вовсе нет. У нашей веры общие корни. Они мне как братья и сестры. Заблудшие, но родные, — ученица протянула ей чашку. Она отхлебнула чаю и продолжила. — Несколько сотен лет назад один мудрец обнаружил, что в самом сердце Закарума появилась червоточина. Болезнь. Сначала она не проявляла себя, но постепенно зло пропитало самые основы церкви. Судя по новостям из Травинкаля, оно больше не таится в тени. За последние годы оно набрало силу и заявило о себе во весь голос. Храмовый город в буквальном смысле превратился в город ненависти. Кто бы ни разрушил его, он оказал нашему миру огромную услугу.

Травинкаль разрушен? Беа неловко переступила с ноги на ногу. Вот это новость.

Прежде до нее доходили только слухи, что там случилось что-то ужасное.

— В их ордене есть немало достойных людей. Но боюсь, что поддавшиеся злу превосходят их числом, — продолжала Анаджин. — Разрушение цитадели наверняка выбило их из колеи.

Беа взяла чашку из рук ученицы. Ее руки подрагивали.

— Цель твоего похода — убить их?

Анаджин покачала головой:

— Я должна истребить порчу, разъедающую их. Найти то, что сможет очистить веру.

Пару дней назад, когда мы были в пустыне, мне показалось, что поиск вот-вот увенчается успехом... — она устало усмехнулась. — Мы и правда кое-что очистили, но это была не вера.

— Лично мне очистило все кишки, — пробубнила ученица.

Ее грубость шокировала трактирщицу, но воительница лишь рассмеялась:

— Когда банда демонов внезапно выпрыгивает из теней, кишки прочищаются на счет «раз». Впрочем, мы зачистили крепость, а это всегда не зря. Я не жалею, что мы сделали эту вылазку, — внезапно Анаджин нахмурилась, как будто вспомнив что-то неприятное. — Беа, а где твой муж?

— Наверное, сидит в кабинете и обижается на весь свет, — иронично шепнула Беа.

— Он всегда так делает, когда что-то выходит не по его.

Анаджин даже не улыбнулась.

— Я не слышала шагов наверху, да и в соседних комнатах. Ты не могла бы его найти?

— Конечно, — Беа вышла из комнаты, держа на руках Лильсу.

— Рейтер!

Лильса тоже позвала:

— Па-а-апа!

Ответа не было. Странно. Беа прошла в общий зал и снова позвала мужа. Тишина.

— Где он может быть? — тихонько спросила она Лильсу.

Девочка пожала плечами. Беа вернулась в комнату к гостям.

— Наверное, он вышел на минутку. Анаджин, а почему...

Наставница уже вскочила на ноги, подхватив кистень и щит. Ученица вытащила из ножен короткий меч.

— Боюсь, твой муж совершил ужасную ошибку, — сказала Анаджин.

IV

Кольцо Света — или как оно там называется — не ослабило хватку ни на йоту, когда паладины приказали Рейтеру остановиться. Он почувствовал, что кожа на шее зашипела от жара, и снова беспомощно задергал руками, скованными за спиной. Его глаза... глаза. *Акарат, глаза!* Кромешная тьма. Одно из заклятий паладина болью взорвалось в голове и отняло у него зрение.

Рейтер был слеп. Совершенно слеп.

— Хорошо, что ты исповедался в своем грехе без промедления, — прошептал ему на ухо главный паладин. — Мы отправим тебя на суд Закарума без предварительных пыток. Ну, а я с тобой даже кое-чему научился. По крайней мере, глаза у тебя не вытекли.

Кто-то швырнул Рейтера на землю. Он лишь хрипел сжатым горлом, втягивая в себя тонкие струйки воздуха.

Он услышал, что три паладина расходятся по улице. Рейтер отчаянно пытался выговорить: *«Помилуйте семью, заберите крестоносца, только помилуйте семью»*, но вместо мольбы из его груди вырывался только хрип. Несчастный завалился набок и прислушался, надеясь услышать звук открывающейся двери или окна. Но нет. Он понял, что помощи ждать не приходится. Только не от горожан. Ведь неразумно ввязываться в такую заварушку.

— *Еретичка!* — громко и отчетливо выкрикнул главарь паладинов.

Он подождал ответа и продолжил:

— Еретичка по имени Анаджин! Я — магистр Сеннис. Во имя Закарумской веры, которую ты осквернила, приказываю тебе немедленно сдаться праведному суду.

На деревянном крыльце раздались тяжелые шаги. Глаза Рейтера застилала тьма, но он ясно слышал поступь крестоносца. Женщина вышла на улицу без колебаний.

— Трактирщик, я хочу, чтобы ты знал, — сказала Анаджин. — Я сделаю все, что возможно, чтобы защитить твою семью.

Вместо заслуженного гнева и упрека он услышал в ее голосе сострадание и грусть.

— Зря тратишь время, — рявкнул главный паладин. — Любой, кто дал приют еретику, разделит его участь.

И он расплылся в зловещей ухмылке.

Вверх и вниз по улице раздалось хлопанье ставен и скрежет засовов, а затем воцарилась тишина. Город затаил дыхание.

Анаджин смерила взглядом трех паладинов. В середине, возле Рейтера, стоял главный. Еще двое изготовились к бою, но ей почудилась нерешительность в их глазах. Она обратилась к ним, роняя слова, полные презрения:

— Ваш предводитель собирается убить трактирщика, его жену и маленькую дочь.

Женщина ждет ребенка. *Магистр Сеннис* убьет их, не усомнившись ни на минуту.

Неужели вы дошли до такого? Неужели вы и правда *настолько* погрязли во тьме?

В ответ Сеннис разразился очередной тирадой, разглагольствуя о справедливости, праведности и ереси, но она не слушала. Она наблюдала за остальными. Те обменялись взглядами.

Нерешительность.

Стыд.

Они знали, кто такой Сеннис. Знали, во что он превратился. Они не признавались в этом друг другу, но они это знали. Глубоко внутри каждый из них понимал: то, что сейчас случится, *неправильно*.

Но вот лица их ожесточились. Взгляды наполнились ненавистью. Анаджин опустила голову. Им не нравился этот приказ; его исполнение не доставляло им радости; но они выбрали подчинение. Может быть, позже они пожалеют о содеянном — возможно, это станет их первым шагом на пути к искуплению. Но ценой этому искуплению станет жизнь невинных людей.

Паладин продолжал браниться. Анаджин медленно, глубоко вздохнула, наполняя грудь воздухом, а тело — Светом. Он не снял усталость. Каждая клеточка ее тела молила об отдыхе.

Но Свет придал ей выдержки. Он всегда укреплял ее волю. И всегда будет укреплять, пока не закончится ее поход.

— Да будет так, — сказала она и вступила в бой.

Вихрь Света окутал ее.

Дивный, пугающе глубокий звон раздался с улицы. Беа подскочила на месте. Лильса молча прислушивалась, восхищенно открыв рот. К звону примешались звуки неземной ярости. Битва началась.

— Рейтер, нет, Рейтер, — еле дыша, повторяла Беа.

Ученица крестоносца повела их задворками вдоль единственной улицы города, подальше от места битвы. В правой руке она сжимала меч, а левой крепко держала Беа за руку.

— Не останавливайтесь, — прошептала она.

Жители города тоже уходили в пустыню по одному, по двое и небольшими группами. Они были готовы встретить любые опасности в дикой пустоши, лишь бы не оставаться в городе ни минуты дольше.

— Мой муж, он...

Девочка тряхнула головой:

— Пока Анаджин жива, она не позволит убить его, — по городу эхом разнесся очередной глубокий, звенящий звук. — А она еще жива.

Невероятный треск прервал ее речь. Что-то — нет, *кто-то!* — пробил заднюю стену трактира и, кувыряясь, пролетел по песку. Беа задержала вздох. Человек пробил собой *все стены* здания. Крыша начала обваливаться. Кажется, трактир вот-вот рухнет. Еще несколько раз перекувырнувшись, незнакомец, наконец, остановился. Это был не Рейтер, но кто...

— В переулок, — приказала ученица. — Тише.

Беа послушно свернула в узкий проулок, зажатый меж глинобитных стен.

— Кто это? Он мертв?

Ученица осторожно заглянула за угол:

— Это паладин, и он жив... Обходит здание. Хочет напасть на Анаджин со спины, — с неохотой добавила она, взглянув на свой меч, а потом на Беа.

— Ты должна помочь ей? — спросила та. Девочка колебалась.

— Она велела мне не оставлять вас одних.

— Мы не будем рисковать без нужды, — заверила ее Беа, но ученица не пошевелилась. — Эти люди точно хотят убить твою наставницу? Моего мужа?

— Точно, — мягко ответила девочка.

— Тогда иди.

Анаджин прикрылась от молота щитом, почувствовав удар каждой косточкой. Она быстро взглянула сквозь брешь в стене трактира. Паладин, отброшенный ее взрывом, начал подниматься на ноги. Выжил. Она была измотана сильнее, чем предполагала. Этот взрыв должен был прикончить его.

Остальные двое не ослабляли натиск. Главный, по имени Сеннис, швырял в нее молоты Света один за другим, а второй осыпал ее ослепительно мерцающими разрядами. Она не опускала щит, отражая все атаки. Когда второй паладин приблизился к ней на три шага, она опустила плечо, крепче перехватила щит и нанесла удар.

Непробиваемая стена Света устремилась к атакующему паладину. Взметнулись клубы красного тумана. Когда Свет угас, алые капли все еще висели в воздухе. Кости, одни лишь сухие, переломанные кости упали на песок. Даже одежда и доспехи паладина разлетелись в пыль.

Анаджин не обрадовалась его гибели. Она просто развернулась к Сеннису и взмахнула кистенем. С испуганным, злым воплем паладин отскочил назад и швырнул еще один молот, врезавшийся ей в правое плечо. Это был настоящий взрыв боли, но Анаджин хладнокровно отстранилась от нее.

Паладин зашипел и покосился на останки своего брата.

— Прочь с моего пути, грязная *убийца*, отродье тьмы!

— Всем будет приятнее, если ты закроешь рот, — ответила Анаджин.

Внезапно она сгруппировалась и вновь нанесла удар, но паладин оказался проворнее своего брата. Он вскинул руки и рассеял стену Света контрударом, который с треском врезался в щит. Но Анаджин уже двигалась дальше, вращая кистенем над головой. Сеннис запустил в нее молот, но она выставила вперед щит, окутанный Светом, сделала рывок и повалила противника на песок. Затем она взмахнула кистенем, и яркая молния устремилась вперед.

Паладин зарычал и поднял руки. Он поймал молнию и метнул ее назад.

Анаджин даже не попыталась увернуться. Она спокойно позволила Свету пройти сквозь себя.

— Чертовка! — выругался паладин. — Демоница, будь ты проклята!

— Свет не наносит вреда праведникам, — произнесла Анаджин, и холодная улыбка тронула ее губы. — А как насчет той силы, которая ведет тебя?

Он в ярости вскочил на ноги и бросился на нее. Кистень и молот схлестнулись. От удара вылетели все окна на главной улице города. Анаджин шагнула вперед, несмотря на растущую слабость, и...

Боль.

Она упала ничком, хватая ртом воздух. Щит вылетел из ее руки. Перекатившись на спину, она взмахнула оружием, скорее предугадав, чем увидев следующий удар.

Шипастый груз кистеня врезался в правую ногу Сенниса, прямо между пластинами доспеха. Молот паладина погас совсем рядом с ее головой, и Сеннис отступил, крича от боли и истекая кровью.

Кто застал ее врасплох? И чем оглушил? Она попыталась подняться, но руки и ноги дрожали и отказывались повиноваться. Анаджин тяжело рухнула на песок. «Ох, как

нехорошо», — подумала она. Левый бок был обожжен, воздух раздирал горло с каждым вдохом и жег ее внутри. Изнутри. Ей показалось, что ее внутренности сейчас покроются аппетитной корочкой.

«Так-так, что-то новенькое».

Скрипя зубами, она начала подниматься на ноги, преодолевая усталость, боль, бессилие.

— Ты выбрала такую жизнь, — напомнила она себе вслух.

Собственный голос показался ей карканьем.

— Принимай ее. Проклинай ее. Но никогда не жалея о своем выборе.

Этому давным-давно научила ее наставница. *Не останавливаться.* Она подняла щит и обернулась к дороге.

В сотне шагов от нее разгорались и сталкивались яркие вспышки. Раненый паладин, Сеннис, яростно размахивал руками. Второй выживший, которого Анаджин бросила через весь трактир, тоже был здесь. *«Вот кто меня оглушил».* Он метал молнии в своего противника, человека без доспехов, вооруженного мечом...

— Ах ты, глупая девчонка, — пробормотала Анаджин.

У ученицы была склонность нарушать приказы.

«Прямо как у меня», — подумала она с сарказмом. И все-таки девочка была не глупа.

Неопытна, однако совсем не глупа. Если бы она не вступила в бой, Анаджин была бы уже мертва. Второй паладин прикончил бы ее.

Анаджин заметила трактирщика, беспомощно лежавшего на земле, связанного заклятиями паладина и почти задохнувшегося, судя по багровому цвету лица. Она опустила на колени и привычным жестом рассеяла заклятие.

Рейтер хрипло, жадно задышал и уставился на нее.

Анаджин вздрогнула. Глаза несчастного были чисто белого цвета. Он был ослеплен.

Над одной из крыш на улице поднимались клубы дыма — видимо, горела кузница, прикинула она и покачала головой. Можно было только догадываться, что там устроил Сеннис. Но с этим она разберется позже.

— Все будет хорошо, — пообещала Рейтеру Анаджин. *«Кто бы мне это сказал»*. — Если можешь, поднимайся. Уходи с этой улицы.

Она подняла голову. Ученица держалась неплохо. Сеннис был ранен, а второй явно еще не оправился после своего полета по трактиру. Оба сражались кое-как. Ученица практически вытанцовывала круги вокруг них.

Губы Анаджин дрогнули в улыбке.

— Скорее, поднимайся.

Трактирщик попытался заговорить, но издал только несколько испуганных всхлипов, пытаясь просить прощения. Анаджин похлопала его по плечу. Она заметила выражение вины на его лице.

— Если они тебя найдут, пощады не жди. Прячься как следует.

Наконец, он побежал, неловко оступаясь и шаря руками перед собой.

— Прячься как следует, — прошептала Анаджин.

Ему стоило бежать из города, но никто в своем уме не отправится через

Кеджистанскую пустыню без обоза с припасами. А уж слепца, который потерял зрение только сегодня, там ждала верная смерть.

Во имя спасения Рейтера и всего города паладинов следовало убить.

Она заметила, что Сеннис, хромая, двинулся на ученицу. Та двигалась вокруг него кругами, то делая выпад, то уворачиваясь. Доспехи не сковывали ее движения, и она после ловкого маневра ранила паладина в левую руку, одновременно подняв стену Света для защиты.

С угрюмой усмешкой Анаджин двинулась в сторону дерущихся. Какая же наставница даст ученице развлекаться в одиночку?

— Лильса, сюда, — сказала Беа.

Она старалась говорить спокойно, и это ей почти удавалось. Они скользнули мимо лавки, направляясь к дороге.

— Еще чуть-чуть.

Лильса с испуганным видом цеплялась за ее руку, но не кричала и не плакала.

— Анаджин побьет плохих дядек?

— Обязательно, — она вложила в голос больше уверенности, чем на самом деле чувствовала. — Пойдем, поищем папу.

Она видела, как Рейтер ковылял по другой стороне улицы. Страх обжег ее изнутри. Кажется, муж был сильно ранен и слаб.

Громовой раскат заглушил все звуки, а затем его сменил протяжный, нарастающий грохот вперемешку с треском деревянных балок и стуком осыпающихся камней. Беа застыла на месте. Наконец, грохот стих, в городе раздавались только звуки побоища. Женщина выглянула из-за угла и ахнула.

Ее родной «Оазис» и аптека по соседству были разрушены до основания. Взрыв чудовищной силы сорвал оба здания с фундаментов. Беа прошептала короткую

молитву. Кажется, она видела, как доктор с женой покидали аптеку и бежали в пустыню. Только бы ей не показалось.

На другой стороне улицы, в переулке, Беа заметила человека, ковылявшего вдоль стены, нашаривая опору руками. *Рейтер*. Чтобы перехватить его, им придется перебежать улицу на глазах у сражающихся.

«Если так пойдет дальше, они разрушат весь Калдейский Приют», — сказала она себе. Судя по разрушительной мощи их заклинаний, прятаться за зданиями было так же опасно, как выйти на открытое пространство.

Она сделала глубокий вдох и подняла дочку на руки.

— Хочешь увидеть папу? — спросила она. Лильса кивнула. — Тогда побежали!

И она выскочила на дорогу.

Рыча, Сеннис метал молот за молотом в двух еретичек. И раз за разом одна блокировала удары, а вторая ловко уворачивалась.

Внезапно девчонка сделала выпад. Меч лязгнул о наручи. По чистой случайности она промахнулась мимо зазора между пластинами и не отрубила ему предплечье. Он подождал, пока она отпрыгнет, и призвал молот — на этот раз за ее спиной.

Ученица развернулась и подняла руки, чтобы отразить атаку, но Сеннис рассеял заклинание и метнул второй молот от груди. Она взмахнула мечом, и молот ударился о сталь, а не о плоть, но сила удара отбросила девчонку на дюжину шагов.

Сеннис улыбнулся и сосредоточился на крестоносце. Анаджин. Она сражалась в полную силу, глядя на обоих паладинов с холодной решимостью, но ее удары становились все слабее. Так и должно быть. Так неизбежно бывает с каждым врагом

Закарумской Длани, выступающим против праведников. Она взмахнула кистенем раз, два, три, каждый раз сильно промахиваясь.

— Пора умирать, — сказал он.

— Как скажешь, — согласилась она.

Внезапно перед ним оказалось двое... трое... четверо крестоносцев... *рывок...*

Сеннис издал боевой вопль и нанес два удара по туманным, полупрозрачным фигурам, которые надвигались на него, со свистом рассекая воздух кистенями. Оба удара попали в цель — враги рассеялись, как дым на ветру.

Второй паладин не успел защититься. Две Анаджин взмахнули кистенями, и куски тела несчастного разлетелись во все стороны. Туман расступился, и перед паладином снова была одна Анаджин. Она изможденно оперлась на щит, но на губах ее играла слабая торжествующая усмешка.

— Скажи-ка мне, паладин, — попросила она. — Твои наставники силком затащили тебя в когти зла, или ты сам к нему пришел?

Сеннис дико вытаращился на нее. Ученица уже снова шла в бой, медленно, преодолевая боль, но она готовилась драться. Несколько секунд он просто стоял на месте. А затем развернулся и побежал, прихрамывая и оставляя за собой кровавые следы.

За спиной раздался стон Анаджин.

— О, только не заставляй меня за тобой гоняться, — крикнула она.

Паладин оскалился, в нем боролись страх и ярость. *«Спасайся. Убей ее. Ты должен... должен...»*

Какая-то тень шмыгнула в переулок. Он последовал за ней.

Анаджин подождала, пока ученица подбежит к ней.

— Могло быть и хуже, — заметила она, улыбаясь и морщась от боли.

Ученица остановилась перевести дыхание.

— Паладин... Беа...

Улыбка исчезла с лица Анаджин.

— Где они?!

Ученица махнула в сторону переулка. Сеннис как раз скрылся за углом.

Они собрали последние силы и рванули за ним.

— Рейтер, — ладони Беа ощупывали его лицо. — Что они с тобой сделали?

Он вращал белыми глазами.

— Я ничего не вижу, — его голос срывался.

Он сжимал ее запястья, как будто боясь, что она отнимет руки от его лица.

— Он отнял... я ничего не вижу. Ты ранена? Лильса здесь?

— Я здесь, — отозвалась Лильса. Ее испуганные глаза блестели от слез.

Рейтер наклонился, вытянув руки, но промахнулся.

— Лильса? — наконец он нашел ее и прижал к себе.

Он сидел на земле, раскачиваясь вперед и назад, подняв невидящий взор, как будто пытаясь заглянуть жене в глаза.

— Простите меня, — прохрипел он. — Простите.

— Потом, — прервала его Беа, стараясь придать голосу твердость. — Кажется...

Она прислушалась.

— Кажется, драка закончилась.

— Кто победил? — прошептал Рейтер.

Беа открыла рот, чтобы сказать «я не знаю», но за нее ответил чужой голос:

— Победа всегда за Дланью, ничтожество.

Лильса закричала.

Этот крик ни с чем не спутаешь. Ребенок.

— Заходи с того края, — мягко приказала Анаджин.

Ученица потрянула головой:

— Я тебя не брошу.

— Это не просьба. Обходи дом, — мягкость исчезла из ее голоса.

Девочка неохотно кивнула и начала, прихрамывая, обходить лавку бочара.

Анаджин надеялась, что трактирщик и его семейство уже бежали из города. Но на надежду полагаться нельзя.

— Паладин! — крикнула она. — Ты что, собираешься втянуть в нашу драку невинных?

Тень паладина появилась у выхода из переуллка.

— В этом городе нет невинных, — яростно ответил он. — До тех пор, пока здесь находят приют твари вроде тебя.

Анаджин стиснула зубы и подняла щит. Она подозревала, что взывать к его милосердию бесполезно. А что если уколоть его гордость?

— Прячешься в тени? — ей нужно было вытащить его на свет, дать ученице возможность зайти сбоку. — Вот как теперь сражаются *служители веры*?

Издав звериный рык, он вышел из укрытия. Сердце Анаджин упало.левой рукой он держал за горло Беа. Его правый кулак был в паре сантиметров от ее уха. Мало того, вместе с Беа была Лильса. Девочка обхватила руками живот матери и во все глаза смотрела на захватчика.

Искры вылетели из кулака паладина и вонзились в кожу Беа, но та даже не шелохнулась. «Умница», — подумала Анаджин. — *«Не показывай ему слабость. Не показывай дочери слабость».*

— Что бы сказали твои наставники? — спросила Анаджин. — Что бы почувствовали иерархи травинкальских храмов, если бы увидели защитника своей веры, который прячется за спиной беременной женщины и ребенка?

Сеннис отчаянно расхохотался.

— Иерархов больше нет. Травинкаль... думаю, наставников у меня тоже больше нет. Но я выполняю задачу, которую они поставили.

— Что же это за задача?

— Истреблять ересь. Кругом полно еретиков. Я ведь знаю, кто ты, — его безумному смеху вторило эхо. — Немногие в моем ордене знают. Но я — исключение. Ты считаешь, что мы поддались злу. Что мы прокляты. Но ведь это вы, крестоносцы, бросили нас. Ты и подобные тебе, вы бежали. Вы боялись рискнуть. Попрятались по своим болотам. А мы остались и приняли бой.

— Это тебе старшие рассказали? Они лгали тебе.

Но он не слышал ее слов. За один миг гнев сменился на его лице ужасом. Сейчас он был в тысяче миль отсюда и на двадцать лет моложе.

— Почему ты ушла? Почему бросила меня? — слезы полились из его глаз. В голосе появились детские интонации. — Что они со мной делали... что они заставляли меня делать... Почему ты не помогла? Разве ты не знала? Ты не знала, что меня ждет? Они заставили меня ненавидеть. Они пропитали меня ненавистью.

Его кулак дрожал, но продолжал упираться в висок Беа.

— Мы знали достаточно, — мягко ответила Анаджин. — В те дни порча уже проникла в самые основы Закарума. Мы не могли спасти его. Не в одиночку. Поэтому мы начали искать то, что поможет нам.

— Нашли? — снова голос ребенка, полный надежды.

— Пока нет, — вздохнула Анаджин.

— Значит, все было зря. Все впустую, — на миг Сеннис был близок к тому, чтобы разрыдаться.

Но затем ребенок ушел, уступив место паладину. Его взгляд посуровел.

— Сложи оружие, крестоносец. Брось щит. Сними доспехи. Иначе я убью ее.

Он усилил хватку на горле Беа. Она взглянула на Анаджин с беззвучной мольбой — не за себя, за дочь.

В переулке появился Рейтер. Он шел, вперяя взгляд в пустоту, мотая головой из стороны в сторону.

— Нет! — кричал он. — Мои девочки. Пощади! Умоляю, *пощади!*

— Выполняй приказ, крестоносец.

Анаджин увидела свою ученицу — та выглядывала из-за угла лавки за спиной Сенниса и медленно качала головой. Она вздохнула. Девочка не могла сделать

ничего с паладином в полном боевом облачении, да еще и с заложниками в руках.

Любая атака, которая убьет его на месте, не оставит шанса заложникам.

На нее снизошел покой. Она разжала пальцы, и кистень упал на землю.

— Сеннис, я хочу, чтобы ты знал, — она с силой воткнула щит в песок, и он остался стоять, как вкопанный. — Не оставляй надежды.

Она сняла латные перчатки, затем кирасу. Ее простая тканая рубаха была пропитана кровью и потом.

— Я не нашла того, что искала. Так же, как и моя наставница, и ее наставница, — она избавилась от наплечников и поножей. — Но, несмотря на это, я ни о чем не жалею.

Кто-то найдет то, что нам нужно. И исцелит нашу веру. Неважно, что ты сделаешь со мной...

Она небрежно отбросила в сторону сапоги.

— Мой крестовый поход не закончен. Я все еще в пути.

Анаджин увидела проблеск детской надежды в глазах Сенниса. Но через миг в них снова была лишь холодная жажда убийства. Паладин простер правую руку, и к ней устремился сияющий молот.

Она смотрела в глаза паладина и улыбалась до конца.

Беа зажмурилась. Через миг ужасный звук затих. Рука паладина соскользнула с ее горла.

— Не двигайся, женщина, — рявкнул он прямо ей в ухо.

Она кивнула, но сделала шаг к Анаджин.

К тому, что от нее осталось. Беа прижимала к себе Лильсу, не давая ей обернуться и увидеть это. К глазам подступили слезы.

— Похоже, твой поход все-таки закончился, — презрительно усмехнулся паладин и пнул нагрудник крестоносца.

— А вот и нет.

Беа и Сеннис обернулись на голос. Ученица стояла в переулке, держа меч наизготовку. Паладин взревел и метнул в нее молот.

Раздался оглушительный грохот, и гигантские клубы пламени взвились на том месте, где стояла девочка. Самой ее не было видно.

Но миг спустя...

Молния ударила с небес, ослепительный разряд чистой мощи. Вместе с ним на землю обрушилась ученица крестоносца. Паладин следил за ее полетом с детской радостью и облегчением.

Для него все было кончено.

Ученица встала на колени возле своей наставницы и что-то прошептала. Беа не смогла расслышать слов. Но она ясно видела — на песок упали капли Света. Слезы.

Девочка поднялась и взяла щит Анаджин.

— Беа? — прокаркал Рейтер. — Беа, ты ранена?

Жена подбежала к нему:

— Я в порядке. Лильса тоже.

— А Анаджин? — его голос дрогнул. — Она...

— Я здесь, — откликнулась ученица.

Беа изумленно оглянулась на нее. Рейтер наклонил голову.

— Анаджин? Это ты?

— Да, — девочка пристегнула последние детали доспеха и шагнула к слепцу.

Осторожно положила ему руку на лоб, открыла книгу заветов Анаджин и вполголоса начала читать другой отрывок. Рейтер заморгал и закрутил головой. Глаза его лишились страшной белизны. Восстановленные зрачки заметались из стороны в сторону. Девочка вздохнула:

— Это все, что я могу сделать. Как ты себя чувствуешь?

Рейтер посмотрел на жену.

— Я вижу... но не... нечетко... — он прищурился и обернулся к девочке. — Спасибо, Анаджин.

В голосе его звучала неуверенность. Беа поняла, что он видит только контуры доспехов.

— У тебя изменился голос.

— Да уж, пожалуй, — ответила она.

V

— Это наша клятва, — говорила Анаджин. — В ней говорится о неустанном поиске. О негибавшем желании исцелить веру, даже если это случится не на твоём веку.

Рейтер прижал ухо к стене, прислушиваясь. От неудобной позы болела спина. Голос женщины-крестоносца звучал приглушенно, но слова можно было различить даже сквозь закрытую дверь. Двадцать лет назад, когда трактир отстраивали заново, стены пришлось сделать тоньше, чем прежде. Чтобы заплатить за материалы и работу, он продал половину участка. Многим пожертвовал. Но былую славу трактиру уж не вернуть никогда.

— Кажется, я поняла, — ответила Лильса.

Она не видела Анаджин с тех пор, как была маленькой девочкой, и была счастлива встретить ее снова. Вот уже несколько дней напролет они беседовали дотемна.

— Вами движет не надежда, а цель. Вот почему вы передаете друг другу имя самого первого крестоносца в цепочке. Таким образом вы чтите жертву, принесенную им во имя цели.

— Это одна из причин, — сказала Анаджин.

Желудок Рейтера скрутило. Скрипнув суставами, он тихонько сел на ступеньку. Они не должны знать, что он подслушивал. Его пальцы, скрюченные от старости, сжимались в кулаки, сердце колотилось, пот выступил на лбу.

— Лильса, ты правда готова посвятить себя служению? Однажды наставница сказала мне, что, сделав выбор, ты можешь принимать или проклинать его, но никогда не должна жалеть о нем. Наша жизнь часто обрывается преждевременно, а те немногие годы, что нам отпущены, наполнены многими трудностями.

— Да, — твердо ответила Лильса. Рейтер зажмурился и приглушенно застонал. — Я хочу отправиться с тобой на поиски, чтобы...

Она ненадолго умолкла.

— А куда мы пойдем?

— Честно сказать, за последние дни мне пришлось круто поменять планы, — призналась Анаджин. — До меня дошли слухи, что недалеко от Нового Тристрама с неба упала звезда, и теперь город осаждают кошмарные твари. Думаю, другие крестonosцы уже в пути; мы тоже постараемся принести хоть какую-нибудь пользу.

Лильса восхищенно захлопала в ладоши. Дверь библиотеки распахнулась, Рейтер проворно вскочил и притворился, что просто шел мимо, в главный зал. Он пытался скрыть свой страх. Тысячи слов вихрем крутились у него в голове: увещевания, предупреждения, запреты, ультиматумы... Все, что могло бы заставить Лильсу отказаться от безрассудного решения и взглянуть на жизнь разумно.

Но он знал, что ему никогда не хватит смелости высказать ей все это.

— Отец! — воскликнула Лильса. — Мне нужно сказать тебе одну важную вещь.

— Да уж, пожалуй, — обреченно ответил Рейтер.